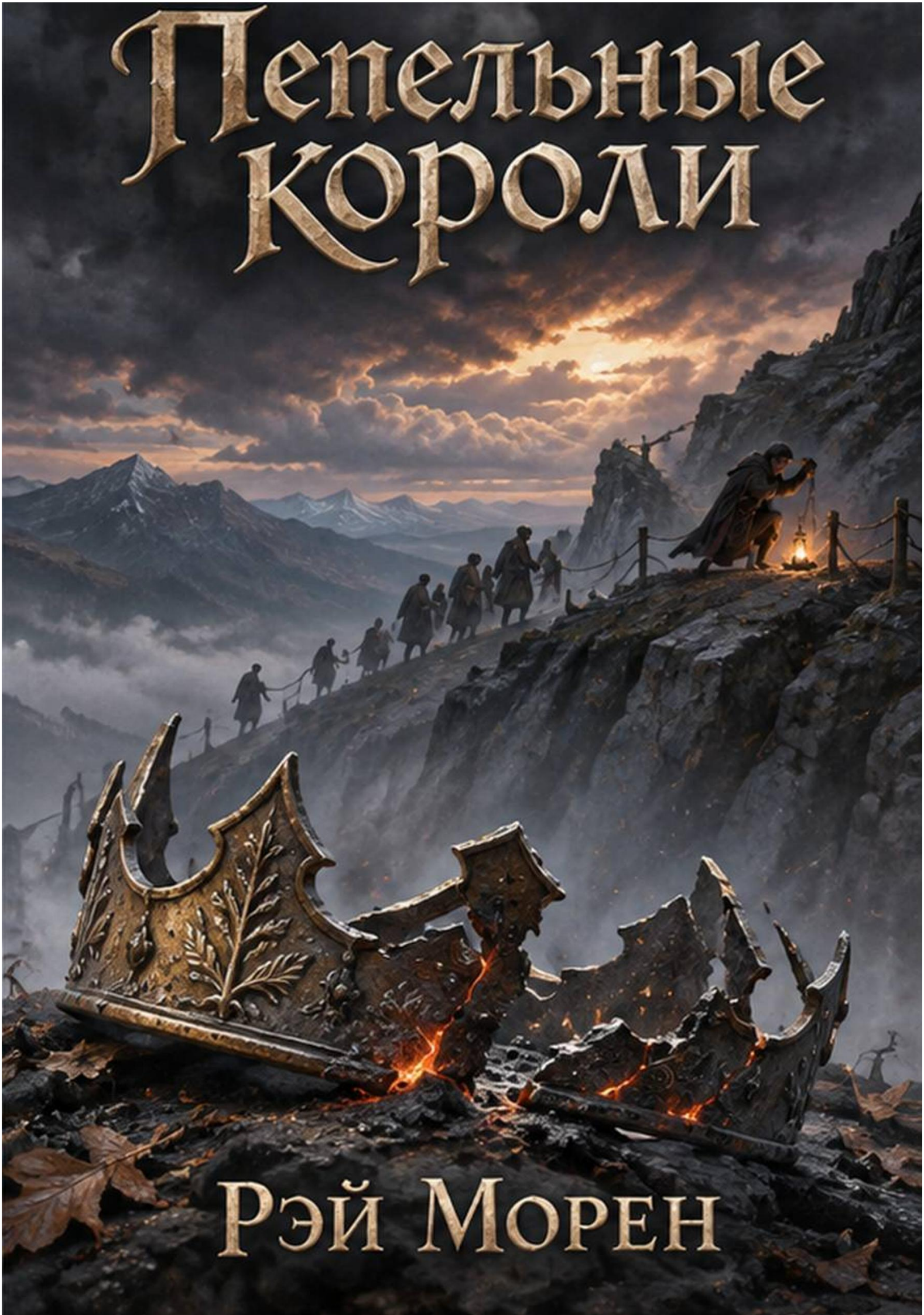
Пепельные короли



Рэй Морен

Рэй Морен

Пепельные короли

«Автор»
2026

Морен Р.

Пепельные короли / Р. Морен — «Автор», 2026

После смерти короля священный огонь оставляет семь знаков вместо одного. Семеро избранных оказываются в центре борьбы за престол, а королевство погружается в хаос междуцарствия. Пока знатные дома оспаривают право на власть, рушатся дороги, истощаются запасы продовольствия и тысячи людей оказываются перед лицом надвигающейся катастрофы.Древние свидетельства хранят тайну истинного предназначения семи знаков. Чтобы раскрыть её и спасти королевство, избранным предстоит преодолеть собственные амбиции, пожертвовать дорогим и ответить на главный вопрос: достоин ли короны тот, кто стремится обладать ею, или тот, кто готов от неё отказаться ради других?

© Морен Р., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Часть первая. Семь имён вместо одного 6
Глава 1. Семь знаков 6
Глава 2. Присяга без короля 10
Конец ознакомительного фрагмента. 11

Рэй Морен
Пепельные короли

ПЕПЕЛЬНЫЕ КОРОЛИ

Часть первая. Семь имён вместо одного

Глава 1. Семь знаков

В Венце не звонили погребальные колокола. Их сняли с башен ещё при прадеде покойного короля, после голодной зимы, когда люди перестали различать набат и призыв к молитве. Теперь о смерти государя извещали семь ударов молота по железной плите. Между ударами оставляли столько времени, сколько нужно человеку, чтобы назвать имя умершего и не сбиться.

Северина Яр услышала последний удар, стоя перед чашей священного огня. Звук пришёл сквозь камень и толщу толпы, словно по городу ударили изнутри. Она расправила край льняного покрывала и посмотрела на собственные руки. На правом предплечье белел старый ожог; левое покрылось свежими красными полосами после утренней работы с углями. Руки дрожали не от страха. Всю ночь она держала чашу открытой, а огонь требовал самого простого: не дать ему погаснуть.

За спиной теснились свидетели. Храмовые писцы расположились вдоль северной стены, чтобы не загораживать людям обзор. У ступеней стояли трое представителей совета. Дальше, за дверями, шумела площадь. Впервые за много лет никто не спорил о том, хватит ли места у святилища: по обычаю всякий мог видеть дым над крышей, а затем услышать имя, которое оставит огонь.

На каменном ложе лежал король, завёрнутый в белое полотно без золотого шитья. Северина помнила его живым: не сильным и не особенно добрым, но способным выслушать возражение до конца. Теперь под холстом угадывались лишь плечи. Ему предстояло исполнить последний долг перед страной — стать свидетелем выбора, которого живые не вправе были изменить. У изголовья не было короны. Перед огнём даже государь не мог потребовать, чтобы его назвали первым.

— Печать цела, — произнесла Агния Сводная, подняв восковую табличку.

Старшая переписчица архива говорила так, будто любое слово могло однажды попасть в судебную тяжбу. Северина кивнула. Дважды она проверила печать на двери, один раз — полотно. Агния знала её привычку перепроверять даже собственную работу; при ней Северине не приходилось изображать непогрешимость.

— Свидетели готовы? — спросила Северина.

— Совет присутствует, — ответил худощавый человек у ступеней.

— Я спросила о свидетелях.

Он помедлил, затем назвал троих горожан, двух служителей и писца. Северина повторила имена, чтобы все услышали. Только после этого она взяла железный крюк. В её ладони металл был холоден, хотя чаша уже раскалила камни вокруг.

Она открыла заслонку. Огонь поднялся без вспышки, ровно, словно воздух в святилище давно ожидал этого движения. Северина не искала в языках пламени лиц и слов. Её наставница говорила: «Видеть нужно то, что случилось, а не то, что ты надеешься увидеть». Эту фразу она хранила лучше всех молитв.

Тело внесли к чаше на низких носилках. Четверо служителей двигались медленно, согласуя шаги. Когда носилки опустили, кто-то в толпе за дверями начал плакать, и плач сразу подхватили другие. Северина дала людям время. Затем назвала короля полным именем, его годы правления и день смерти. Ни одного похвального слова в обрядовой формуле не было. Правители могли быть любимыми или ненавидимыми; огонь не нуждался в похвале.

Сухое дерево вспыхнуло сначала у ног, затем по краям полотна. Северина отступила на положенную обрядом плиту. Отсюда она видела всё ложе и каменный круг, куда должен был осыпаться пепел. Писцы отметили время. В Венце любили точность, пока она не мешала удобным решениям.

Пока горело полотно, Северина смотрела на дверной проём. Там появился Радомир Велет, командир гарнизонов, в дорожном плаще поверх тёмного доспеха. Он не приблизился к огню. Остановился там, где дозволял обычай, и кивнул ей без улыбки. За его плечом мелькнул Остромир Градов, начальник столичной стражи. Оба смотрели не на мёртвого короля, а на людей, которые могли начать движение раньше положенного.

Северину вновь охватило раздражение. Солдаты видели в толпе возможных мятежников, служители в солдатах — осквернителей святыни. Между ними стояла чаша.

Огонь осел к полудню. Ветер потянул дым через верхние прорези крыши. Северина дождалась, пока последний уголок ткани перестанет светиться, и попросила свидетелей подойти к кругу. Они подошли неохотно: камень оставался горячим, а запах горелого дерева смешался с горечью золы.

Обычно пепел собирался в один плотный след. Его очертание не напоминало букву и не указывало рукой на человека. Оно было лишь знаком, который служители по установленному порядку сопоставляли с присутствующими претендентами и подтверждали свидетельствами. Северина видела этот порядок дважды. Ни разу он не дал повода спорить о количестве следов.

Теперь на камне лежали семь раздельных полос пепла. В красноватом свете углей чистые промежутки между ними казались прорезями в самом камне. Северина невольно сжала крюк: за всю жизнь ей не приходилось стоять перед таким пеплом.

Одну из полос Северина приняла за тень железного обода. Подняла крюк, заслонила свет. Тень сдвинулась; полоса осталась. Не переступая черты, она обошла круг и снова пересчитала следы. Семь. Ни одна полоса не соприкасалась с соседней.

— Запишите то, что видите, — сказала она.

Первый писец не двинулся. Его перо зависло над листом.

— Старшая, — прошептал он, — это невозможно.

— Не бойся. Запиши семь.

Агния сделала шаг вперёд. Она не смотрела на Северину, только на камень. Губы её шевелились беззвучно, считая. Потом она повернула табличку так, чтобы свидетели могли поставить отметки рядом с семью строками.

— Не называйте их именами, — предупредила Северина. — Сначала — следы. Затем — порядок проверки.

С площади потребовали объявить нового короля. Крик подхватили замёрзшие люди. В святилище, напротив, стало так тихо, что Северина слышала собственное дыхание. Все ждали знакомой формулы.

— Семь отдельных следов, — произнесла она достаточно громко, чтобы услышали у дверей. — Все видимы. Все внесены в запись. Ни один не стёрт.

Худощавый советник быстро приблизился.

— Вы хотите сказать, что обряд не состоялся?

— Я сказала, что он оставил семь следов.

— Но по закону должен быть один.

— Закон описывает, что делать людям после обряда. Он не изменит того, что лежит перед вами.

Советник побледнел. Северина поймала себя на желании, чтобы советник оказался прав. Как легко было бы вернуться к знакомой молитве!

Радомир вошёл в круг свидетелей лишь после разрешения старшего служителя. Его сапоги оставили мокрые следы на плитах.

— Назовите порядок охраны, — сказал он. — Площадь полна. Если объявить семь имён без объяснения, к вечеру там будут семь отрядов.

— Вы предлагаете не объявлять? — спросила Агния.

— Я предлагаю не отдавать площадь тому, кто закричит первым.

У дверей спорили: вынести чашу на площадь или спрятать до решения совета.

— Чашу не выносят, — сказала Северина. — Но двери останутся открыты. Кто видел знак, тот вправе свидетельствовать о нём.

— Тогда мне нужны два караула, — ответил Радомир. — Один у дверей. Второй на лестнице. Без оружия внутри.

— У дверей, — согласилась она. — И ни шагом ближе.

Остромир у входа уже отдавал короткие распоряжения. Служители отступили, пропуская свидетелей к выходу по одному. Вскоре площадь узнала о семи полосах пепла. Не о семи именах — ещё нет, — а только о семи следах. Но слуху достаточно было и этого.

Из толпы донеслось имя Радомира. Следом — другое, которое Северина не разобрала. Кто-то кричал, что храм нарушил обряд; кто-то требовал немедленно поклясться всем семерым, пока не поздно. На дальнем краю площади раздался звук разбитого горшка. Стражники повернули головы, но Остромир удержал их жестом. Над толпой поднялись руки; люди указывали на командира, словно уже делили между собой честь первыми признать его. Другие отворачивались от него с такой поспешностью, будто даже взгляд мог быть принят за присягу.

Северина осталась у каменного круга с Агнией. Они считали следы ещё раз, теперь при другом освещении. Агния положила на край камня тонкую линейку, отмечая расстояния между полосами. Прежде Северину задевала эта невозмутимость. Сейчас она была благодарна Агнии за то, что та не просила объяснить увиденное.

— В описи нет строки для семи, — сказала переписчица.

— Значит, будет приложение.

— Приложение к чему? К записи о наследнике? К записи о спорном обряде?

Северина посмотрела на чёрный камень. Ответить значило выбрать толкование прежде, чем завершилась проверка.

— К тому, что мы видели, — сказала она. — Пусть в заголовке будет только день и место.

Агния кивнула, вынула второй лист и принялась копировать показания. Одну копию Северина велела оставить в святилище, другую передать совету под двумя печатями. Для третьей, предназначенной храмовому архиву, ещё требовались гонец и открытая дорога.

Уже за полдень к дверям подошла женщина в дорожной одежде. Северина не знала её имени. Та принесла не просьбу о коронации, а весть: у северных ворот обоз задержали, потому что караул не мог решить, чья печать теперь действительна. На телегах везли муку и лекарственные травы. Возчики стояли на ветру с утра, а одна из лошадей пала.

— Передайте начальнику стражи, — сказала Северина. — И запишите имя посланницы.

— Он уже знает, — ответила женщина. — Он велел ждать решения совета.

Северина взглянула на чашу. Ещё утром она молилась о благополучии страны. Теперь у ворот мёрзли возчики с лекарствами и мукой, а она не могла даже назвать им государя.

Она вышла на ступени святилища. Площадь встретила её волной голосов. Над головами людей висел серый дым, и ветер тянул его к северу. Радомир стоял у первого караула, держа руки за спиной. Советники сгрудились у крытого прохода, откуда можно было уйти, не встречаясь с толпой.

— Сегодня не будет имени единственного государя, — сказала Северина.

Шум стал таким громким, что она не услышала собственных следующих слов. Она дождалась, пока люди увидят, что не намерена перекрикивать их.

— Я свидетельствую: огонь оставил семь знаков. Я не свидетельствую, что каждый из названных уже получил право повелевать вами. До проверки ни один приказ не станет священным только потому, что его произнесёт претендент.

На площади кто-то рассмеялся зло, кто-то заплакал. Один старик опустился на колени. Молодой человек возле ворот закричал, что храм испугался собственной силы. Северина увидела, как Радомир повернулся к Остромиру и указал на боковой проход: там двое уже толкали друг друга, пытаясь пробиться к ступеням.

Она могла бы сказать, что всё обойдётся. От неё этого ждали. Но она видела обоз у северных ворот лишь глазами незнакомой посланницы, слышала растущий спор и знала, что семь знаков не отменят ни холода, ни голода, ни человеческого упрямства.

— Запись будет открыта свидетелям, — добавила она. — Совет получит её до захода солнца. А те, кто держит дороги, пусть помнят: люди на дорогах не могут ждать, пока мы придумаем удобные слова.

Радомир поднял голову. Северина ждала возражения, но командир подозвал стражника и велел бежать к северным воротам, выяснить, что задержало обоз. Северина проводила взглядом посыльного: наконец кто-то ушёл с площади с делом, которое не требовало короля.

К её возвращению чернила на двух листах уже высохли. Семь полос по-прежнему лежали на камне. Северина села напротив них. За сорок лет служения огню она впервые не знала, какой формулой завершить день. Крюк звякнул о камень. Прежде этот звук возвещал конец обряда; теперь никто из служителей не двинулся к дверям.

Вместо молитвы она написала на третьем листе семь коротких строк. Каждая начиналась одинаково: «Свидетельствую, что видела». Под ними оставалось место для имён, которых ещё предстояло проверить.

За стенами Венца стучали колёса остановленных повозок. Город уже платил за вопрос, на который никто не умел ответить.

Глава 2. Присяга без короля

На второй день междуцарствия Леона Верес обнаружила на столе три присяги. Бумага одного сорта, одинаковые чернила, даже начальные слова совпадали: «Во имя сохранения королевского порядка». Леона придвинула листы друг к другу и принялась читать дальше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.